

Глава 10: Недовольство

— ...Я не плачу, — Ли Жань провёл левой рукой по щеке, но не нащупал слёз.

Он не думал, что Чи Мо способен шутить, да и мог ли такой человек ошибаться? Поэтому, усомнившись в собственной руке, юноша осторожно коснулся лица правой, скрупулёзно его ощупывая. Со стороны это, должно быть, выглядело как акт самолюбования.

Правая рука тоже его обманула — слёз не было.

— Хм, видимо, я ошибся, — Чи Мо пересёк дорогу и, оказавшись лицом к лицу с Ли Жанем, беспечно добавил: — Ты стоял, опустив голову, и мне показалось, что ты плачешь.

Он велел Ли Жаню подойти, но тот, будучи донельзя добросовестным, решил сперва оценить масштабы своего горя, поочерёдно ощупывая лицо то одной, то другой рукой. Юноша привык делать всё основательно, сосредотачиваясь на чём-то одном.

Больше ему было не под силу.

Чи Мо, сочтя это пустой тратой времени, подошёл сам. Его облик разительно контрастировал с обшарпанным фоном старого жилого комплекса.

— ... — Ли Жань шевельнул губами, желая что-то возразить, но стоило мужчине приблизиться, как леденящее чувство, будто на него смотрит ядовитая змея, ударило в самое темя. Давление было настолько ощутимым, что он безвольно проглотил готовые сорваться с языка слова.

Вместо этого он пробормотал ещё более жалко:

— ...Ох. Я не плакал.

— Угу, — небрежно бросил Чи Мо. — Где ты был? Почему так поздно?

Ли Жань уставился на камешек у своих ног, который от его пинков стал ещё грязнее.

— Несколько часов ехал на метро.

Жители старого квартала знали, что Бай Цинцин и Ли Ан ссорились постоянно: мелкие стычки — каждые два дня, крупные скандалы — каждые три, иногда доходило и до драк.

Разумеется, била всегда Бай Цинцин. Ли Ан был слишком мягкотелым: в спорах он отмалчивался, побои сносил безропотно. Развод был лишь вопросом времени.

Однако почти никто не знал истинной причины их разрыва, списывая всё на несходство характеров.

Несмотря на ссоры и драки, они держали всё в себе, никогда не вынося сор из избы, чтобы не давать повода для сплетен.

Бай Цинцин была вспыльчивой, но язык за зубами держать умела. При встрече с соседями она всегда улыбалась, говорила громко и никогда не обсуждала семейные дела. Ли Ан же, за исключением пары слов с хорошими знакомыми, с остальными и вовсе не разговаривал, будучи ещё более неразговорчивым.

Ли Жань, как их сын, унаследовал и перенял черты обоих. Боясь вспышек материнского гнева, он не стал таким же импульсивным, как Бай Цинцин, а больше походил на своего бесхребетного отца.

В детстве, когда другие ребята жаловались, что папа не купил им игровую приставку, а мама не разрешает смотреть телевизор, он один никогда не рассказывал о том, что происходит у него дома.

И никогда не обсуждал чужие дела.

Опустив руку, Ли Жань замер.

«Значит, ладони меня не обманули, — подумал он. — Даже такие люди, как господин Чи, могут ошибаться»

— Держи, — Чи Мо протянул ему две длинные тёмные плитки. — Шоколад. Возьми.

Это были большие прямоугольные плитки.

На упаковке не было кричащих узоров, лишь простой, элегантный шрифт — логотип известного бренда, который Ли Жань не узнал.

Иностранные витиеватые буквы. Импортная сладость.

— ...Спасибо, — юноша не стал спрашивать, почему Чи Мо даёт ему шоколад, да и отказывать он не умел.

Дают — бери. Взял — поблагодари.

Шоколад, оказавшись в его руках, тихо зашелестел. Приятный звук.

Обёртка была из фольги стального цвета, но в тусклом свете фонаря казалась почти чёрной.

— Ешь, — сказал Чи Мо.

— А... прямо сейчас? — удивился Ли Жань. Но пока он спрашивал, его руки уже послушно начали разворачивать упаковку.

Ему и вправду хотелось чего-нибудь сладкого.

Шоколад и торты — лучшее лакомство.

В его представлении шоколад, который так любят дети, всегда был очень сладким.

Поэтому, когда концентрированная горечь взорвалась во рту, заполнив всё пространство между зубами, выражение лица Ли Жана стало непередаваемым. Уголки его губ дрогнули.

Он с силой сжал плитку, от которой только что откусил маленький кусочек, и, казалось, был готов затрястись всем телом.

Так бывает, когда ешь лимон.

С Ли Жанем так бывало всегда.

Но присутствие «постороннего» в лице Чи Мо заставило его не только подавить дрожь от магической атаки стопроцентно горького шоколада, но и сохранить безупречное выражение лица. Не разжёвывая, он тут же проглотил горький кусок.

Словно наслаждался изысканным деликатесом.

— Тебе нравится? — спросил Чи Мо.

— ... — Ли Жань очень хотел сказать «нет», но боялся обидеть собеседника.

Невежливо привередничать, когда тебе делают подарок.

Но и врать, кривя душой, он не хотел.

От горечи на глаза навернулись слёзы.

— Братишка! Братишка, как хорошо, что ты здесь, помоги мне! — Госпожа Ли, тащившая три составленные друг на друга большие коробки, заметив Ли Жаня, но не видя стоявшего чуть дальше Чи Мо, радостно воззвала о помощи.

Ли Жань тут же бросился к ней.

— Да-да, конечно. Уже иду.

Прежде чем подхватить ношу, он инстинктивно сунул обе плитки шоколада — одну нераспечатанную, другую надкушенную — обратно в руки Чи Мо, попросив его временно их подержать.

И не забыл добавить:

— Спасибо, господин Чи.

После прошлого раза юноша считал госпожу Ли почти подругой, поэтому помогал ей без всякого стеснения.

— Вчера я попросила охранника удалить номер моей машины из базы, так как я больше здесь не живу, чтобы не пришлось приезжать ещё раз. Дядя-охранник, услышав это, так расстроился, долго меня не отпускал, всё расспрашивал, — задыхаясь, рассказывала женщина, пока Ли Жань забирал у неё две коробки. Оставшуюся она поставила на землю. — Но я забыла, какой у нас дядя-охранник исполнительный. Сегодня хотела подъехать прямо к подъезду, чтобы ближе было таскать вещи. И что ты думаешь, ха-ха-ха, он, чтоб его, ха-ха-ха, уже удалил мой номер.

— Вчера так со мной любезничал, говорил, мол, какая я красивая, молодая, уже с квартирой и машиной, любого мужчину могу заполучить, хоть молодого щенка, и всё пытался своего племянника-бизнесмена сосватать, такой навязчивый. А сегодня требует, чтобы я следовала правилам, говорит, красота тут не поможет. Упёртый, как баран, ха-ха-ха-ха-ха...

Она прислонилась боком к машине и, уперев руки в бока, переводила дух.

— Я иногда такая ленивая. Он сказал мне зарегистрироваться, а мне так не хотелось ручку в руки брать. Думаю, ну, ещё один раз съезжу, зачем эта морока, просто зайду и заберу вещи.

— Чёрт, да кто ж знал, что придётся три раза возвращаться, — госпожа Ли так разозлилась на саму себя, что ударила кулаком по кузову. От удара по багажнику замигали задние фары, давая понять, какой силой обладает разгневанная женщина. — В первый раз всё не унесла, думала, во второй точно справлюсь, не буду регистрироваться. А потом пришлось и в третий раз идти... Чёрт, откуда за эти годы столько хлама накопилось, одних только дурацких фотографий тысяча восемьсот штук.

Женщина снова ударила по машине, и та снова засигналила.

Будучи прилежным слушателем, Ли Жань незаметно отступил на полшага, сцепив руки и держась от неё на безопасном расстоянии.

Если она ударит его, он ведь не сможет, как машина, включить сигнализацию. Никто и не узнает, что он пострадал. Да и не в его характере было валяться на земле и кричать от боли.

Если бы он однажды упал с велосипеда, а добрый прохожий спросил бы, нужна ли ему помощь, юноша бы ответил: «Я отдыхаю, на земле прохладно».

В детстве он и вправду совершал подобные глупости.

Когда он только учился кататься на велосипеде и упал на обочине, кто-то подошёл, чтобы помочь ему подняться. Ему стало так стыдно, что он, уткнувшись лицом в руки, пробормотал:

— Я тут играю... не обращайтесь на меня внимания.

Он так и не поднял головы и не открыл глаз, чтобы посмотреть, кто был этот добрый человек.

Сегодня госпожа Ли была необычайно разговорчива, её речь пестрела крепкими выражениями. Каждый раз, когда она ругалась, Ли Жань задерживал дыхание, делая вид, что не слышит.

Закрывать уши руками было бы невежливо.

Обычный человек давно бы устал от её длинного монолога и не понял бы, почему она так разоткровенничалась с едва знакомым парнем.

Но Ли Жань, кажется, понимал.

Эти слова предназначались не ему, а этому старому кварталу. Её прошлому.

Как она и сказала, это был её последний визит сюда.

Хотя сам квартал был ухоженным, снаружи он выглядел весьма потрёпанным. На двух стенах, выходящих на дорогу, красовалась большая красная надпись: «Под снос».

Ли Жань жил здесь с рождения, и эта надпись была всегда, но сносить дома никто не торопился. Говорили, что старики, прожившие здесь всю жизнь, наотрез отказывались переезжать, не желая ни компенсации, ни новых квартир.

Власти были бессильны. Оставалось только ждать.

Улица напротив за несколько десятилетий превратилась из такого же убогого района в элитный квартал, и теперь разница между ними была колоссальной.

— Ну, я пошла! — выплеснув эмоции на Ли Жаня, госпожа Ли не почувствовала ни капли смущения, а наоборот, испытала облегчение. Она по-дружески хлопнула его по плечу. — Больше, наверное, не увидимся... Э-э, а это твой парень?

Вопрос был таким неожиданным, что юноша не сразу нашёлся с ответом. Собеседница, внезапно смутившись, заметила мужчину и вздрогнула. А когда поняла, что тот смотрит прямо на её... руку, вздрогнула ещё раз.

Стало как-то жутковато.

Она тут же убрала руку и, любуясь своим маникюром, серьёзно сказала Ли Жаню:

— У тебя неплохой парень.

Очень красивый. И выглядит внушительно. Наверняка во всём хорош.

— Нет... вы не так поняли... — красивые брови Ли Жаня сошлись на переносице. Он боялся, что госпожа Ли вспомнит своего бывшего и перенесёт свою неприязнь на него, а ещё больше боялся, что она и вправду подумает, что у них с господином Чи отношения. Ведь они оба — мужчины.

— Мы с господином Чи едва знакомы.

Госпожа Ли была не ребёнком и, как все взрослые, склонна была всё усложнять.

Она решила, что Ли Жань просто смущается, поэтому и оправдывается. Она тут же сменила тон, чтобы показать, что не осуждает его, и, желая его успокоить, серьёзно изложила свои взгляды на любовь.

— Я абсолютно нормально отношусь к любым здоровым отношениям. Мне было противно только потому, что мой бывший изменил мне с женщиной, когда мы были вместе, — искренне сказала она. — Но если вы любите друг друга, я не вижу в этом никаких проблем. Честно. Я довольно современный человек, это не пустые слова.

— ...Нет... правда, нет.

Ли Жань покраснел. От волнения.

Чи Мо всё это время молчал.

Госпожа Ли пару секунд смотрела на Ли Жаня, а потом поняла, что это она, тридцатилетняя женщина с грязными мыслями, всё неправильно поняла.

Она решительно признала свою ошибку, в качестве извинения отдав юноше честь, и, смущённо забравшись в машину, с рёвом сорвалась с места.

И в мгновение ока исчезла.

Только когда автомобиль скрылся из виду, а жар на щеках спал, Ли Жань повернулся и медленно, как улитка, поплёлся к Чи Мо.

Тот не был сердобольным гражданином. Он не знал госпожу Ли и не стал бы по своей воле помогать ей, видя, как она надрыгается. Но если бы она попросила: «Господин, не могли бы вы помочь?», он бы не отказал.

Но она его не просила. Она его даже не видела.

А когда Ли Жань помогал ей, он тоже не сказал: «Господин Чи, помогите, пожалуйста».

Ли Жань боялся, что нелепое недоразумение могло обидеть Чи Мо, и, подойдя, хотел как-то разрядить обстановку. Было бы хорошо, если бы тот не придал этому значения.

И тут он увидел, что Чи Мо, чья высокая фигура тонула в полумраке, не глядя на него, медленно ест тот самый горький шоколад, который Ли Жань уже надкусил.

Зубы, с хрустом разламывающие плитку, в ночной тишине издавали какой-то жуткий, зловещий звук.

Ли Жань сглотнул.

Но не от страха.

— ...Не горько? — тихо спросил он.

Чи Мо не ответил. Его лицо оставалось бесстрастным, не выдавая ни малейшего намёка на горечь.

И тут юноша, присмотревшись, кое-что заметил.

— А, — вырвалось у него, и он, не зная, стоит ли говорить, всё же тихо произнёс: — Господин Чи, вы... вы едите шоколад, который я только что надкусил.

Его голос становился всё тише и совсем замер под холодным взглядом Чи Мо.

Чи Мо доел шоколад и скомкал обёртку в руке, чтобы потом выбросить в урну.

— Какой ещё «твой» или «мой»? — ледяным тоном бросил он. — Я с тобой не знаком.

<http://bllate.org/book/15969/1443786>